

"ВЫСШАЯ ЧЕСТЬ, которая может быть оказана русскому князю, — доблестно сражаться за Россию", — это слова Александра Барятинского, военного деятеля, генерал-фельдмаршала, члена Государственного совета, почётного деятеля Николаевской военной академии Генерального штаба. Портрет его можно увидеть в экспозиции "Князья Барятинские. Искусство для наследников", что проходит в ГМИИ имени А.С. Пушкина. Перед нами — изысканный и притом брутальный офицер, красавец и честный службист, аристократ и герой, не искавший лёгких путей. Единственное, что мы поставили бы ему в вину, так это общение с Дантесом, но и тут князь поступил по совести — он остался верен дружбе, когда убийцу Пушкина возненавидел весь петербургский свет.

Выставка посвящена не только самим Барятинским, знатым Рюриковичам, что составляли цвет империи, но и коллекции живописи и рисунков, собранной представителями этого рода. На афишу вынесено знаменитое полотно Ангелики Кауфман, где изображена Екатерина Барятинская в окружении детей. Художница-немка, популярная во всей Европе, славилась реалистичным и одновременно возвышенно-тонким почерком. Вся знать Европы стремилась ей позировать. "Живописца преславна, / Кауфман, подруга муз! Если в кисть твою влиянна / Свыше живость, чувство, вкус!" — воспецал Гавриил Державин, обративший к фройляйн Ангелике целую оду. Коллективный портрет Барятинских — это сама атмосфера классицизма. Княгиня похожа на римскую матрону. Колонна, занавесь, античный бюст, полукруглый проём — всё это выписано с оглядкой на антики.

Среди экспонатов — автопортрет самой Кауфман в окружении муз — одна с палитрой, вторая — с нотами. Спутницы Аполлона манят и завлекают. Ангелика делает извинительный жест в отношении музыки и склоняется к живописи. Так художница рассказала о себе всю правду — способная девушка, она не могла решить, что для неё лучше и правильной. Итак, мольберт сильнее клавиесина.

Великолепен портрет всё той же Екатерины Барятинской, написанный Жаном-Луи Вуалем. Французский живописец подвизался в Петербурге и оказался стоеп искусен, что Павел I назначил Вуаля придворным художником. Княгиня явлена в чёрном шёлке, с напудренной, завитой куафюрой — в конце XVIII века "корабли" и "фруктовые сады" вышли из моды, но причёски были по-прежнему пышны.

Чуть поодаль — портрет её супруга, Ивана Барятинского. Это копия с оригинала Пьетро-Антонио Ротари, ещё одного иноземца, работавшего в русской столице. Барятинский молод и округл — ему только предстоит сделаться дипломатом, посланником в Версаль, где все его звали не иначе, как *le beau russe* — красавец-русский.

Вот его сын — тоже Иван. Этот замечательный персонаж унаследовал чарующую внешность своих родителей и по праву считался Аполлоном среди патрициев. Он слыл англоманом, библиофилом и полиглотом. Два его портрета, представленные среди экспонатов, были заказаны Луизе-Элизабет Виже-Лебрен — популярнейшей художнице, вынужденной бежать из Франции. Любимике всего Версала и самой Марии-Антуанетты пришлось бы нелегко в окружении санкиловтов, а Россия воспринималась оплотом спокойствия, благонравия и самодержавной власти. Император Павел с удовольствием приютит

Виже-Лебрен, и она оставила после себя целую галерею уникальных картин. На одном из предложенных портретов Иван Барятинский одет в точности как родоначальник дендизма — Джордж Браммелл.

Князь был так очарован британской культурой, что женился на мисс Френсис-Мэри Даттон. Её портрет с дочерью Елизаветой — по-домашнему Бетси — также есть на выставке. Счастье длилось недолго — англичанка умерла от очередных родов, а Барятинский вступил в новый брак — на этот раз с тевтонкой Марией фон Келлер из семьи прусского дипломата. В экспозиции мы видим её изображением — то в тюрбане а-ля тюрк, то в синем "патристическом сарафане", сделавшемся актуальным после нападения Бонапарта.

Впрочем, тот всплеск придворно-салонного "русизма" ничуть не нарушал основных канонов ампирного стиля — сарафаны имели всё ту же высокую талию и злачёное шитьё, а изысканные кокошники не отличались от тех псевдоримских диадем, какие носили парижские франтихи. Единственное, что подлинно роднит сие облачение с русским нарядом, — это рубашка с вышивкой на рукавах. Мария Келлер была светской львицей и прекрас-

княжий лоск

Экспозиция в музее имени А.С. Пушкина

нейшей дамой александровской эпохи. На одной из выставочных витрин есть чайная пара с изображением княгини — эту вещьцу заказал муж фирме Даготи, одной из ведущих фарфоровых мануфактур начала XIX века.

В центре внимания — скульптура Марии Барятинской, выполненная Германом Вильгельмом Биссоном по оригиналу Бертеля Торвальдсена — достославного ваятеля ампирной вехи. Стройная княгиня подобна богине Олимпа и облачена в гиматий.

Иван Барятинский, помимо всего прочего, измыслил труд "Советы старшему сыну", где отмечал: "Внушение ему о правде и неправде следует делать с ранней поры. Ложь и неумеренность — главные пороки детства. Необходимо быть неуловимым в искоренении лжи, потому что она унижает человека". Этим старшеньким и был как раз Александр, с упоминания которого и начато повествование.

ДАЛЕЕ ИДУТ ПОРТРЕТЫ, написанные Кристиной Робертсон — шотландкой, прославившейся и в Британии, и во всей Европе. Николай I пригласил умелую мастерицу для создания картин, отображающих блеск его правления. И сам государь, и его родственники позировали Кристине, а столичная знать торопилась звать её в свои чертоги. Барятинские — в том числе. Чарующий портрет Ольги Давыдовой, урождённой Барятинской — она в белом атласном платье и с полупрозрачной накидкой на волосах, убранных в причёску а-ля Изабо де Бавьер — с косами, уложенными вдоль щёк.

Писал Барятинских и Франц-Ксавер Виттерхальтер с его карамельно-ванильной нотой. Все его заказчицы, мало того, что невыразимо волшебны, так ещё и похожи друг на друга. Дамы выглядели этакими героинями поэм и любовных рома-

нов. Смушало ли это женщин? Вовсе нет. Виттерхальтер ловко отрисовывал банты, ленты, цветочные гирлянды, аграфы и эгреты. Леонилла — дочь Ивана Барятинского и Мари Келлер — взирает томно и слегка устало. Очи — с поволокой. На декольтированных плечах — чёрное кружево. К слову, Леонилла прожила так долго, что застала по времени советскую власть и умерла на сто втором году жизни.

Любопытна картина Робера Лефевра — наполеоновского живописца, преуспевшего и при восстановленных Бурбонах. Его клиентами были многие русские нобили. Портрет Анны Толстой, урождённой Барятинской, с сыном Эммануилом написан в конце 1810-х годов — он решён в фантазийной манере и носит название "Благословение рыцаря". В те лета царил культ готических легенд и благородных принцев, облачённых в доспехи. Одним из направлений архитектуры сделалась неоготика. Забавно то, что стрельчатые окна и витражи на полотне Лефевра сочетаются с костюмами 1620–1630-х годов, и они явно списаны у Антонииса ван Дейка.

Квинтэссенция образов — картина "Жатва" итало-швейцарца Антонио Барофффио, которого в России величали

Антоном Бруни. Он изобразил поместье Барятинских, господ и крестьян, как некую вселенную, где у каждого человека — своё место. Примечательно, что князья и их крепостные идут навстречу друг другу. Барятинские были душевными хозяевами, и тиранств за ними не водилось.

При взгляде на эти портреты возникает глобальный вывод: Российская империя считалась невероятно привлекательной для иностранцев — и в материальном, и в социально-духовном плане. Они плодотворно работали, а заодно и спасались от тех "социальных экспериментов", что потрясали Европу.

ГАЛЕРЕЯ КНЯЖЕСКИХ образов — это первая часть экспозиции. Следом пойдёт речь о коллекции Барятинских, изначально созданной в подражание Екатерине Великой: царица активно собирала картины и прочие диковинки, сообразуясь с мнением своего приятеля Дени Дидро. Русские аристократы часто выезжали в Европу — людей посмотреть да себя показать. И — приобрести нечто ценное, нетривиальное.

Основу любой коллекции составляли картины религиозного содержания, а поэтому здесь есть и "Благовещения", написанные в разных стилях, и святые, и мадонны. Французские отличались лёгкостью, испанские — суровым духом, итальянские — восторгом, смешанным с тёплыми чувствами. Итальянцы вообще относятся к Божьей Матери как к всеобщей маменьке — доброй и понимающей.

Волновали картины старых мастеров — например, в конце XVIII — начале XIX века все дружно вспомнили о "малых голландцах" и их фламандских современниках. Хорош натюрморт Адриана де Грейфа "Битая дичь" — распростёранный голландский сюжет с охотничьими трофеями — зайцем и птицами, а заодно и с домашним любим-

цем — собакой. Тему охоты продолжает диптих с фазанами Александра-Франсуа Депорта — французского живописца, подражавшего нидерландским коллегам, но привнесившего в свои творения толику галльского изящества.

Страсть к путешествиям породила особый поджанр пейзажа — ведуту (от итальянского *veduta* — "увиденная", "вид", "картинка", "точка зрения"). Ведута представляла собой полотно, рисунок или гравюру с детальным отображением памятников архитектуры. Характерной особенностью являлась предельная точность — вплоть до мельчайших нюансов. Ведута была предтечей фотографии, а потому исчерпала себя уже к 1850-м годам. В коллекции Барятинских тех ведут предостаточно — тут и римские развалины, и венецианские каналы, и немецкие храмы. Любовью заказчиков пользовался вид Форума, повествующий об ушедшей славе города, куда вели все дороги. В собрании, конечно же, есть "Вид Форума" Джованни Паоло Паннини, знакового рисовальщика и архитектора XVIII века. Его ведуты высоко оценивались как современниками, так и будущими поколениями эстетов.

Роскошен портрет английской королевы Софии Шарлотты, урождённой принцессы Мекленбург-Стрелицкой. В парадном платье и горностаевой мантии, она была запечатлена Алланом Рэмзи, придворным мастером Георга III. Будучи разносторонним человеком, Рэмзи писал трактаты о живописи — в частности, "Диалог о вкусе", а утратив здоровье, посвятил себя литературе. Портреты его кисти — это умелая техника плюс благоразумная сервильность. А как иначе при дворе?

Поведать обо всех чудесах и открытиях выставки — невозможно. Экспозиция обширна и к тому же разнопланова — здесь и биография господ Барятинских, и их интересы в области искусств. Такие проекты служат расширению нашего понимания русского мира и жизни его достойных представителей.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Портрет княгини Екатерины Петровны Барятинской с семейством». Художник Ангелика Кауфман. 1792 г.

ДОБРАЯ «ТРАДИЦИЯ»

20–21 июня в кинопарке "Москино" состоится фестиваль "Традиция" — пространство, где прошлое встречается с настоящим, а традиции обретают новое звучание. Идея фестиваля "Традиция" родилась из общего замысла Эдуарда Боякова и Захара Прилепина.

Девять фестивальных площадок в уникальных масштабных декорациях кинопарка представят обширную программу с более чем сотней событий. Пресс-служба столичного Департамента культуры объявила программу фестиваля: концерты, спектакли, встречи с поэтами, мастер-классы для всей семьи. В событии примут участие группы "Любэ", Пелагея, "Ай-Йола", "Калинов Мост", "Джанго", Хор Данилова монастыря, Сергей Старостин, Евгения Смольянинова, ансамбль "Казачий Кругъ" и многие другие артисты, музыканты, поэты, писатели, философы, историки.

В ПЕРВЫЕ на площадке кинопарка группа "Ай-Йола" представит свой альбом "Урал-батыр", в который вошла песня "Хомай", при выходе релиза возглавившая мировые чарты.

Пелагея, чей голос вобрал силу народной традиции, мастерство и особую искренность, порадует своей программой "Любо!"

На концерте легенды советско-российской рок-сцены группы "Калинов Мост" слушателей ждёт путешествие по альбомам, погружение в эпохи и, конечно, любимые песни, проверенные временем.

Фolk-рок-программа "Тума поёт" при участии Захара Прилепина, группы "Лампасы" и хора "Любава" — это не просто музыкальное шоу, а культурный манифест, в котором традиции не сдаются перед современностью, а напротив, обновляются и звучат с новой силой.

Концерт "Мирави" — "Боля" — поразит новым звучанием народной музыки.

В этом году выступление "Песни о людях" группы "Любэ", песни которой узнаются с первых нот и объединяют поколения, стало частью большой программы фестиваля, где музыка Таисии Краснопевцевой и друзей гармонирует с выступлениями Хора Данилова монастыря, ансамбля "Казачий Кругъ", солисток театра "Новая опера" Елены и Ольги Терентьевых, легендарного собирателя русского фольклора Сергея Старостина, семьи Боджуа, Евгении Смольяниновой, Елены Фроловой, Галины Войниченко и многих других.

Интеллектуалов ждёт традиционные беседы Захара Прилепина и Эдуарда Боякова о Традиции, а также настоящие изыскания в разных сферах в рамках цикла "Диалоги о Традиции". Среди участников — писатель Андрей Рубанов, музыканты Андрей Бледный (лидер группы "25/17"), Елена Фролова и другие.

Поэтическая программа будет представлена встречами с современными поэтами, такими как Мария Ватутина, Игорь Караулов, Анна Долгарева, Амир Сабиров, Матвей Раздельный, Наталия Тебелева и многими другими.

Театрально-поэтическим открытием станет спектакль "Шахтёрская дочь", поставленный по одноимённой поэме Анны Ревякиной. Поэтический спектакль

"Царский путь", повествующий о последних днях жизни венценосной семьи Романовых, представит Театр на Малой Ордынке. Актрисы Елена Захарова, Анна Большова и Ольга Кабо представят свои моноспектакли: "Ещё раз про любовь", "Руслан и Людмила" и "Верните время".

В Музее Задорожного устроят настоящий лекторий, где экспертами выступят политолог Евгений Фатеев, писатель Павел Басинский, художник Алексей Гинтовт и другие.

Маленьких гостей ждут спектакли "Аленький цветочек", "Муха-Цокотуха", "Куклы из чемодана", "Петрушка", "Чудо-юдо" и другие; хороводы, мастер-классы от ремесленников. На Соборной площади раскинется "Город мастеров": кузня, кожевенная мастерская, гончарное дело, резьба по дереву, валание из шерсти и многое другое.

А Центральная площадь на два дня превратится в модный подиум, на котором русские дизайнеры представят свои коллекции: "Альбом моей бабушки", "Краса России", "Берёзовая роща", "Светотени", "Оберег" и другие.

КИНОПАРК "Москино" — часть проекта мэра Москвы Сергея Собянина "Москва — город кино" и объект московского кинокластера. Здесь уже завершён второй этап развития: построено 36 натуральных площадок, шесть павильонов и 14 объектов инфраструктуры, в числе которых декорации "Брестская крепость", "Провинциальные города Европы", "Юзовка", "Шахты", "Европейский город", "Современная Москва", "Рейхстаг", "Русский средневековый город", "Города Восточной Европы" и другие площадки.

Московский кинокластер — это объекты инфраструктуры, услуги и сервисы для кинопроизводителей, которые развивает правительство Москвы в рамках проекта "Москва — город кино". В его структуру входят кинопарк "Москино", Киностудия Горького (площадки на улице Сергея Эйзенштейна и в Валдайском проезде), кинозавод "Москино", сеть кинотеатров "Москино", киномоссия и киноплатформа "Москино".

Посмотреть расписание и приобрести билеты можно на сайте фестиваля.

Ещё в марте на заседании Совета по культуре Владимир Путин поддержал идею создания альтернативы Нобелевской премии по литературе. Предложение озвучил Захар Прилепин, отметивший, что существующая премия давно превратилась в политический инструмент Запада. Писатель как минимум с начала СВО говорит о необходимости новой премии, и не он один. Вопрос назрел давно.

Впрочем, "альтернатива" — не совсем точно: за это цепляются злопыхатели, чтобы показать якобы ничтожность заявки. Создать своё. Конкурентная среда — разве это плохо?

АГЖАЖИРОВАННОСТЬ Нобелевской премии, отсутствие объективности и использование этого премиального института в качестве инструмента западного идеологического диктата давно являются общим местом, и едва ли на этот счёт могут возникнуть какие-то возражения. Определённая односторонняя идеологическая заряженность Нобелевки уже стала притчей во языцех. Зачастую выбор Нобелевского комитета и вовсе превращается в анекдот.

Другой момент заключается в созданном мифе о высшей авторитетности Нобелевской премии, которая якобы является главным мерилом лите-

ратурного качества, что совершенно не соответствует действительности. Впрочем, мифу вовсе и не обязательно быть соотносённым с реальностью, для него важнее навязанные представления, безапелляционные суждения. Устойчивые стереотипы и предрассудки легализуют манипулятивные послысы, прикрывают истинные цели и задачи.

Так, к примеру, современное искусство не только связано с понятием "мягкой силы", проводящей контрбандаю те или иные идеологические нарративы, но и сближается с финансовым инструментом, ускорителем процесса глобализации. Поэтому и применение понятия "искусство" весьма условно. Современное искусство спекулятивно пользуется прежими представлениями, само же далеко отстоит от них. Такими же условиями являются эстетика, талант, особенно по сравнению с силой продвижения, медийностью, пиар-технологиями. В этой ситуации успех, признание художника или литератора зависят не столько от его способностей, сколько от влияния внехудожественных факторов — как правило, от диктата западной системы глобализации и стандартизации.

Выдающийся отечественный мыслитель Вадим Кожин в своё время писал о тенденциозности Нобелевской премии, её "мнимой всемирности". Доказывал, что её "всемирная авторитетность" — не более чем пропагандистский миф.

Кожин настаивал, что секрет престижа премии заключается не в объективности и точности решений (они

застую весьма сомнительны), а в величине вознаграждения, на которой и строился миф о её авторитетности. Кожинская критика этого самого известного премиального литературного института так и называется: "Нобелевский миф".

Памятный отказ от Нобелевки в 1964 году Сартра, не желавшего впадать в зависимость и старавшегося сохранить писательскую свободу. Уже тогда он отмечал, что "Нобелевская премия на деле представляет собой награду, предназначенную для писателей Запада либо "мятежников" с Востока". За прошедшие десятилетия структура ещё сильнее заостенела, и весь пре-

А ведь тут если не планировать дело вдолгую, на десятилетия, на успех и результат, то лучше и не начинать. Профанация нанесёт гигантский ущерб. Опять же, свирепствующая грантовая (или проектная) система уничтожает навыки длительного планирования, ориентацию на большую перспективу, а значит, убивает культуру, оставляя лишь пыль, которая оседает так же быстро, как и поднимается.

Сможет ли Россия, где значение писательского слова нивелировано, где статус писателя до сих пор ниже плинтуса, а его дело воспринимается, мягко говоря, как несерьёзное (а если работаешь не по канонам либеральных догматов, то и сам становишься отверженным)? Сумеет ли Россия, живущая во многом писательским прошлым и весьма высокомерно смотрящая на своё литературное настоящее?

Утвердительный ответ, подкреплённый действиями, будет свидетельствовать о том, что та самая интервенция преодолевается, а культура в стране становится по-настоящему суверенной.

НА МОЙ ВЗГЛЯД, премия должна быть русской, с международным советом авторитетных деятелей культуры, но это не значит, что она будет открытой только для литераторов, пишущих на русском языке. Русскость премии должна заключаться в её распахнутости и всемирной отзывчивости, ориентации на диалог и симфонию культур.

Называть её она может в честь Льва Толстого — одного из самых известных отечественных писателей, тенденциозно обойдённных Нобелевской премией. На аверсе лауреатской медали — профили Толстого и Достоевского.

Русскость премии — в антиколониализме и цветущей сложности мира, в истории общности народов и культур, в сочетании традиционализма и революционности, в победительности, в жёстком противостоянии различным формам крайнего национализма, нацизма, фашизма и исключительности.

Философия премии — своеобразное воплощение многовековой мечты о золотом мосте между цивилизациями и народами, выражение концепции Петра Первого о круговороте или передвижении наук, о России как о центре, связующем Запад и Восток, своеобразном коммуникаторе полицентричного мира.

Русскости премии не надо пугаться. У нас есть что сказать миру, есть и желание услышать слово в ответ, присутствует жажда продуктивной коммуникации и культурного диалога для познания себя и мира.

Премиальный фонд? Какой-нибудь олигарх, нажившийся в своё время на растаскивании общенародного, вполне мог бы поспособствовать — отписать часть состояния, чтобы стать русским Нобелем. Впрочем, с олигархом — утопия.

Реальность же в том, что Россия должна перестать быть ведомой, зависимой от мнения другого, от чужих иерархий, ценностей и правил. Должна стать инициативной, авангардной. Смелой, решительной и волевой. Альтернатива Нобелевки — наш тест на зрелость.

Андрей РУДАЛЁВ

Промежуточные финиш. Творческий вечер Игоря Дьякова в культурном центре "Кириллица". 11 мая, четверг. Начало в 18.30. Адрес: ул. Нижняя Красносельская, д. 40/12 корп. 17, пом. 100.